A 219/72

А 219/79

ВОРОНЪ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Ѳ. Сумцова.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, 1890, кн. 1).

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой.
1890.

А 219/72

ВОРОНЪ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Ѳ. Сумцова.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, 1890, кн. 1).

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой.
1890.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

2007098056

ВОРОНЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

По замѣчанію Л. З. Колмачевскаго, единственнымъ критеріемъ для правильной оцѣнки оригинальности и относительной древности животныхъ сказокъ можетъ служить только принципъ естественности (*Колмач.*, Животн. эпосъ, 54). Къ сожалѣнію, эта вѣрная мысль рѣдко находила практическое примѣненіе въ научныхъ работахъ, посвященныхъ народнымъ повѣрьямъ и сказаніямъ о животныхъ. Миѳологическія гипотезы въ этой отрасли знанія занимаютъ еще слишкомъ много мѣста. До сихъ поръ держится въ наукѣ мнѣніе, что большинство народныхъ повѣрій и сказаній о воронѣ относится къ облачнымъ мифамъ, мнѣніе, какъ мы думаемъ, совсѣмъ несостоятельное при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, въ связи съ природными особенностями coraces и отчасти съ историко-литературными о нихъ данными. Не устраняя вполнѣ миѳологическаго толкованія, мы думаемъ, что къ нему подходятъ лишь немногія повѣрья и сказанія о воронѣ, и что большинство сказаній этого рода является результатомъ непосредственнаго наблюденія надъ природой и основывается на зоологическихъ свойствахъ птицъ рода coraces.

Извѣстно, что увлеченіе миѳологической теоріей происхожденія народныхъ сказаній содѣйствовало появленію подложныхъ пѣсенъ и усиленію того ложнаго патріотизма, который ищетъ себѣ пищи въ національномъ самовосхваленіи, повсюду усматриваетъ славянъ и надѣляетъ ихъ всѣми премудростями и добродѣтелями. Псевдо-патріотическая спеку-

ляція коснулась и народно-пѣсеннаго матеріала о воронѣ; мы разумѣемъ здѣсь слѣдующую пѣсню:

Въ лѣсѣ въ темномъ у Вислицы,
Среди бору на Кислицы
Есть заклятый сухой сукъ,
На томъ суку сидитъ крукъ:
Пане-круку, пане-круку,
Чорна бога старшій внуку!
Слеты зъ древа, черный крукъ,
Дай у душу ему стукъ,
Ладно ладо, дивно диво,
Не живи, моспане, криво!

(*Памят. нар. твор. въ с.-з. краѣ* 1866, 117—118).

Е. В. Барсовъ пользуется этой пѣснею въ Лексикологіи „Слова о полку Игоревѣ". Дивъ Слова, говоритъ г. Барсовъ, соотвѣтствуетъ Круку на его заклятомъ (?) сукѣ. Любопытно, продолжаетъ г. Барсовъ, что этотъ Крукъ называется здѣсь „старшимъ внукомъ Чернобога" (*Барсовъ*, III, 174). Врядъ ли, однако, можно сомнѣваться въ поддѣльности всей пѣсни *), причемъ Крукъ такъ же мало заслуживаетъ серіознаго вниманія, какъ Вишну и Сива Словенской Вѣды Верковича, какъ Посвистачъ въ Думѣ-сказаніи о походѣ князя-язычника въ Зап. о юж. Руси Кулиша, I, 172. Существованіе Чернобога у русскихъ славянъ подлежитъ еще большому сомнѣнію. „Строго говоря, замѣчаетъ А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ „Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ" (CCXLI т. Журн. Мин. Нар. Просв., 165), изъ всѣхъ боговъ русскихъ непоколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ".

Вороны въ собственномъ смыслѣ (corаces) обитаютъ на всемъ земномъ шарѣ. Близъ экватора число ихъ значительно увеличивается; они имѣютъ многочисленныхъ представителей въ умѣренныхъ странахъ, и только въ холодныхъ число

*) Кажется, первый сообщилъ ее Стецкій. См. его Wołyń (Lwów, 1864), стр. 247 — 8, гдѣ приводится эта пѣсня (полнѣе) и другая о Чернобогѣ. *Ред.*

ихъ ограничено. Большая часть воронъ принадлежитъ къ числу осѣдлыхъ птицъ, и только немногіе виды отлетаютъ, впрочемъ, не очень далеко.

Существуетъ много разновидностей этой птицы. Наибольшимъ распространеніемъ и извѣстностью пользуются обыкновенный или благородный воронъ (corax nobilis), черныя и сѣрыя вороны (corvus corone et C. cornix), грачи (frugilegus) и галки (monedula). Различаются они главнымъ образомъ по величинѣ и лишь въ незначительной степени по крику, цвѣту перьевъ и характеру (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот. III, 361—380).

По соображеніямъ Пикте, воронъ былъ извѣстенъ праарійцамъ (*Pictet*, Les orig. indoeurop. I, 473); но различные виды вороньяго рода, повидимому, не были точно отличаемы, можетъ быть, потому, что житейской надобности не было для такого различенія.

Для обозначенія птицы corvus въ славянскихъ языкахъ существуетъ нѣсколько названій: воронъ, ворона, гавранъ, крукъ. Слова *воронъ* и *гавранъ* считаютъ праславянскими, такъ какъ они встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ литов. и летт. нарѣчіяхъ словамъ этимъ отвѣчаютъ varna, varns. Слово *воронъ* Пикте сближаетъ съ санскрит. bran, vran:sonare. Миклошичъ же производитъ его отъ vr. Происхожденіе префикса *га* Микуцкій объясняетъ на основаніи аналогій съ рус. *кайма*, *канура*, *закоулокъ*, чеш. *гомолый* и т. п. Слово *крукъ* сближаютъ съ лит. krauklys, греч. κραυγός и усматриваютъ въ немъ звукоподражательный *кръкъ*, однородный съ корнемъ словъ: каркать, лат. crocitare, лит. kraukti (*Будиловичъ*, Первоб. Слав. § 100), нѣмец. Krähe.

Значительное число повѣрій и сказаній о воронѣ основывается на его зоологическихъ свойствахъ, крикѣ, цвѣтѣ перьевъ, выдающемся умѣ, хищности и воровствѣ.

Крикъ благороднаго ворона представляетъ сочетаніе звуковъ: „корк-корк, кольк-кольк, рабб-рабб“. Звуки эти бываютъ различной высоты и смѣшиваются такимъ образомъ, что пріобрѣтаютъ нѣкоторое разнообразіе (*Бремъ*, III, 363).

Голосъ грачей есть хриплое „кра“ или „кроа“; во время летанія они часто издаютъ высокій звукъ „гирр“ или „куэр“, а также „іак, іак“ (ib. 375). Голосъ галокъ также разнообразенъ: во время любви ясно слышится громкій „іек“ или „дьер“; но обыкновенный ея крикъ „крэй“ или „кріей“ (ib. 379). По временамъ голосъ этихъ птицъ принимаетъ особенную гибкость и разнообразіе. Грачи и галки легко перенимаютъ нѣкоторые тоны; галка можетъ подражать другимъ звукамъ, напр. пѣнію пѣтуха, и можетъ безъ особеннаго труда произносить слова, а воронъ выучивается даже говорить, вѣрно повторяетъ слова и употребляетъ ихъ со смысломъ; онъ лаетъ по собачьему, смѣется какъ человѣкъ, воркуетъ точно домашній голубь (ib. 367).

Своеобразный крикъ воро́ны привлекъ издавна къ себѣ вниманіе народа. Въ музыкѣ африканскихъ негровъ обнаруживаются мотивы, заимствованные отъ вороньяго крика. Римлянамъ крикъ воронъ напоминалъ слово cras (завтра), и потому возникло у нихъ народно-этимологическое сказаніе о воронѣ, какъ медлителѣ, проникшее впослѣдствіи и въ легенду о св. Аѳанасіи (*De-Gubern.*, 535). Иногда къ крику воро́нъ прилагается отдаленное въ звуковомъ отношеніи толкованіе. Такъ, поляки говорятъ, что когда ворона садится лѣтомъ въ полѣ подъ полу-копной, то говоритъ: „пани, пани“, а зимой на замерзшей землѣ кричитъ: „колачъ, колачъ“ (*Gustawicz*, въ Zbiòr wiadom. do antrop. V, 180). Въ Малороссіи записано другое любопытное толкованіе вороньяго крика: „Ворона у ли́тку, хочъ и що добре запопадé на спожитокъ, то все кричитъ: „гайно, гайно!“, а у зимку, якъ живытьця уже ничимъ, то вже хочъ и никчемне попаде, хочъ кизякъ мерзлый, усе кричить: „ха-арчъ, ха-арчъ!“, або „калачъ, калачъ!“ А сорока цехлить коло неи та все пытае: „чи кисле? чи кисле?“ (*Номисъ*, § 14028). Если кто усердно умывается, то иногда говорятъ: „ворона скаже: сыръ, сыръ — та и зъисть (ib., § 11205). Крикъ воро́на производитъ непріятное впечатлѣніе по сочетанію острыхъ рѣжущихъ звуковъ *кр*, что видно изъ пословицъ, напр.: „Убрався мижъ вороны, и крякай, якъ воны“

(*Номисъ*, § 5880), изъ дѣтскихъ игръ въ ворона, о которыхъ далѣе, въ концѣ статьи. XXV глава Энхиридіона Эпиктета трактуетъ уже о гаданіи по крику ворона. Въ славянскомъ переводѣ эта глава называется „о смущеніи въ сновидѣніи“ (*Барсовъ*, Слово о п. Иг. III, 174). Пиндаръ приписываетъ ворону 64 различныхъ крика. Истолкованіе крика у грековъ и римлянъ зависѣло отъ того мѣста, которое занимала птица по отношенію къ наблюдателю, а также отъ силы и повторенія крика (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. 109, 114). Крикъ вороны считался благопріятнымъ, если онъ раздавался слѣва, сзади, сверху, если криковъ парное число, и зловѣщимъ, если раздавался справа, спереди, снизу, одинъ разъ, три раза или пять разъ. Такъ какъ ворона у древнихъ противополагалась другимъ птицамъ, то въ примѣненіи къ нимъ правила эти примѣнялись обратно (ib. 330).

Воронье граянье (полетъ съ крикомъ) съ древнѣйшихъ временъ въ Россіи считается недобрымъ знакомъ. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ недоброе значеніе имѣетъ сонъ в. к. Святослава, что „на болони у Плѣнска бусови врани возграяху“. Въ Малороссіи существуетъ такое проклятіе: „щобъ на тебе вороны крякали“ (*Номисъ*, § 11120). Народное вѣрованіе въ зловѣщее граяніе ворона такъ велико, что есть даже заговоръ отъ вороньяго граянья (*Барсовъ*, Слово о п. Иг. III, 174).

Любопытно, что у галицкихъ русскихъ обнаруживается, между прочимъ, классическая подробность опредѣленія значенія крика ворона по мѣсту нахожденія птицы: несчастіе ждетъ того, кто замѣтитъ отправляясь въ дорогу, что воронъ кричитъ, обернувшись къ нему клювомъ. Чтобы отстранить несчастіе, говорятъ, обращаясь къ ворону: „Тьфу! пекъ тоби, та осина! на головъ, на зубъ та на короткій вѣкъ закрачъ собѣ!“ (*Лепкій*, въ „Зорѣ“ 1885, № 11).

Иногда въ Малороссіи сплевываютъ при крикѣ ворона, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, когда боятся изуроченья или сглазу, напримѣръ при проклятіяхъ. Подобное обыкновеніе встрѣчается также въ другихъ странахъ. Въ Сициліи,

услышавъ проклятіе, также плюютъ (*Marrené*, Wisla 1889, 819). Основной смыслъ обычая, вѣроятно, сказывается въ желаніи выплюнуть демона.

Цвѣтъ вороновъ и воронъ такъ же своеобразенъ, какъ ихъ крикъ. Вороны отличаются чернымъ опереніемъ съ стальнымъ отливомъ. У Corvus cornix только часть тѣла пепельно-сѣраго цвѣта; голова, глотка, крылья и хвостъ черные. Оперѣніе грача однообразно черное съ синимъ и фіолетовымъ отливами. У галки спина, темя, крылья и хвостъ вполнѣ черные; брюхо черновато-сѣрое и только затылокъ и шея свѣтло-сѣраго цвѣта. Вообще, весь вороній родъ отличается чернотой. Эта характерная особенность его отразилась въ поэзіи и письменности народовъ. Уже въ „Пѣснѣ пѣсней“ (V, 11) подчеркнута чернота ворона: „волосы... черны, яко вранъ“; въ Лаврентьевской лѣтописи „вранъ черный“; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „черный воронъ — поганый половчине“; въ малорусскомъ заговорѣ „видъ (отъ) крови“ — „летивъ черный воронъ изъ-за крутой горы“ (*Чубин.* I, 68); въ народныхъ пѣсняхъ, великорусскихъ и малорусскихъ, обычный эпитетъ ворона—черный, напр.: „налетала птица черный вранъ“ (*Рыбн.* I, 200).

Народная любознательность останавливалась на вопросѣ, почему воронъ такъ черенъ, и большею частію объясняла его черноту гнѣвомъ на него Бога. По древнему греческому сказанію вороны нѣкогда были бѣлы, черными сдѣлалъ ихъ Аполлонъ въ минуту гнѣва, за то, что воронъ принесъ ему непріятную вѣсть о невѣрности возлюбленной его, царевны Коронисъ (*De-Gubernat.*, Die Thiere, 533). Малороссы и поляки черный цвѣтъ ворона объясняютъ тѣмъ, что Богъ такимъ цвѣтомъ наказалъ ворона за то, что онъ не воротился въ ковчегъ Ноя (*Gustawicz*, въ Zbiór wiadom. V, 141). Въ Великороссіи сохранилось преданіе, что воронъ созданъ былъ бѣлымъ какъ снѣгъ и кроткимъ какъ голубь; выпущенный изъ ковчега, онъ накинулся на падаль и не воротился къ Ною съ вѣстью объ окончаніи потопа: съ той поры онъ сдѣлался чернымъ и кровожаднымъ. Хорутанская

сказка сообщаетъ это преданіе въ такомъ видѣ: богатырь убилъ нечистаго духа вмѣстѣ съ его любовницею и разсѣченныя на мелкія части тѣла ихъ разметалъ по широкому полю. Прилетѣлъ воронъ и ворона и стали пожирать трупы; воронъ клевалъ одного нечистаго, и за то онъ весь черный, а ворона и бѣла и черна, такъ какъ она клевала и нечистаго и его любовницу. Сербы, разсказывая о какомъ нибудь чрезвычайномъ или сомнительномъ событіи, говорятъ: „не случалось это съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ“ (*Аѳан.*, Поэт. воззр. I, 527).

Сообразительность coraces также издревле обратила вниманіе народа и людей науки на вороній родъ. Воронъ — одна изъ самыхъ умныхъ птицъ; притомъ умъ его поразительнымъ образомъ изощряется отъ частыхъ сношеній съ человѣкомъ. Его можно выучить, точно собаку, бросаться на человѣка и животныхъ. Въ Швейцаріи онъ слѣдуетъ за охотниками, чтобы поживиться при случаѣ убитой козой. Нѣсколько разъ наблюдали, что старые вороны въ случаѣ постоянныхъ преслѣдованій бросаютъ пищу своимъ дѣтямъ сверху (*Брем*ъ, 364—366). Недавно въ Revue Scientifique приведенъ былъ любопытный случай, когда вороны, запертые въ клѣткѣ, кормили остатками своей пищи слетавшихся къ нимъ свободныхъ вороновъ. Уже въ Рамаянѣ и въ Панчатантрѣ обнаруживается мнѣніе народа, что воронъ самая умная и хитрая птица, какъ лиса — самое умное и хитрое животное. Аристотель называетъ ворону подругой лисы (*De-Gubernat.*, 533). Плиній утверждаетъ, что „изъ всѣхъ птицъ, повидимому, одни только вороны понимаютъ смыслъ своихъ предсказаній (*Буше-Леклерк*ъ, Изъ ист. культ. 110). Любопытно, что къ сравненію лисицы и вороны по сообразительности и хитрости прибѣгали также зоологи новаго времени. „Роль, которую играетъ между млекопитающими лисица, говоритъ графъ Водзицкій, выпала между птицами на долю ворона. Онъ обладаетъ въ высшей степени хитростью, выдержкою и осторожностью. Смотря по надобности, онъ охотится одинъ или беретъ себѣ помощ-

ника; воронъ знаетъ всякаго хищника и слѣдитъ за тѣмъ, который можетъ доставить ему поживу. Подобно лисицѣ онъ часто закапываетъ остатки своего обѣда, чтобы не голодать въ случаѣ крайней нужды. Нажравшись, онъ призываетъ своихъ товарищей на остатки обѣда (*Брем*ъ, III, 364).

Даже отдѣльныя проявленія сообразительности ворона отразились въ народной словесности. Бремъ замѣчаетъ, что воронъ ловко вытаскиваетъ рака отшельника изъ раковины и что онъ въ случаѣ, когда не можетъ разбить раковины, поднимается и бросаетъ ее на твердый предметъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что на такомъ наблюденіи основана малорусская народная сказка „Ворона и ракъ“: ворона летѣла по-надъ моремъ, схватила рака и понесла его въ лѣсъ, чтобы усѣвшись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ воронѣ: „эге, вороно, вороно, знавъ я твого батька и твою матирь — славни люди булы!“ — Угу! отвѣтила ворона, не раскрывая рта.—„И бративъ и сестеръ твоихъ знавъ: що за добри люде!“.—Угу!—„Та вже хочъ воны и гарны люде, а тоби не ривня. Мини здаетця, що и на свити нема розумнійшого надъ тебе“. — Эге! крякнула ворона во весь ротъ и упустила рака въ море (*Аѳанас.*, Рус. нар. ск. I, § 37). Колмачевскій источникъ этой сказки указываетъ въ разсказѣ Панчатантры „Журавль и ракъ“, видоизмѣненномъ подъ вліяніемъ басни Эзопа о воронѣ и лисицѣ (*Колмач.*, Живот. эпосъ, 168). Малорусская сказка, какъ и предполагаемый ея индійскій оригиналъ, въ высшей степени просты, кратки, вѣрно отражаютъ опредѣленный зоологическій фактъ и, можно думать, возникли самостоятельно на Руси и въ Индіи подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства народа съ природою, въ частности, наблюденія надъ corаces.

На ряду съ различными сказаніями о сообразительности ворона существуютъ поговорки о *глупости* ворóны, противорѣчащія зоологическимъ даннымъ о выдающемся умѣ всѣхъ вообще corаces. Поговорки и сказки о глупости вороны основаны на литературныхъ памятникахъ, именно, на

древнихъ и новыхъ басняхъ, въ которыхъ характеръ птицъ и животныхъ иногда представленъ въ невѣрномъ видѣ съ цѣлью литературнаго воздѣйствія на читателя. Подобные разсказы встрѣчаются какъ на Западѣ, такъ и на отдаленномъ Востокѣ. Въ одной монгольской сказкѣ лисица даетъ воронѣ четки ламы, съ такимъ предательскимъ совѣтомъ: „Лети на вершину дерева, надѣвъ четки на шею и читай: „мани“; ты будешь сыта“. Ворона послѣдовала этому совѣту, повѣсилась и удавилась (*Потанинъ*, Очерки, IV 552). Въ другой монгольской сказкѣ благодѣтельное божество Бурхынъ-Бакши даетъ воронѣ напитокъ вѣчной жизни, чтобы она вылила его на голову человѣка. Ворона прилетѣла на землю, сѣла на ель и ждала, когда пройдетъ внизу человѣкъ. Случилось, что въ то же время на ели сидѣлъ филинъ; онъ крикнулъ, ворона испугалась и пролила напитокъ; поэтому ель вѣчно зеленая; хвоя никогда не опадаетъ съ нея (ib. 210). Къ такимъ же баснямъ принадлежатъ въ Панчатантрѣ басня о фламингѣ и воронѣ (*Benfey*, 312—315), басня Эзопа о Лисицѣ и Воронѣ, приведенная выше малорусская сказка о Воронѣ и Ракѣ, басня Крылова, основанная на томъ же мотивѣ: лисица льститъ воронѣ, расхваливая ея красоту; ворона поддается лести, крякаетъ и выпускаетъ при этомъ изъ клюва сыръ. Басня Крылова „Ворона и Лисица“ содѣйствовала распространенію и укрѣпленію въ обществѣ мнѣнія о глупости вороны, такъ что къ человѣку съ ограниченными умственными способностями, чаще еще къ человѣку разсѣянному, стали прилагать названіе „ворóна“, какъ бранное.

Наклонность къ воровству составляетъ характерное свойство всего вороньяго рода. Вороны и сороки въ особенности охотно крадутъ блестящіе предметы изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Если вѣрить различнымъ сказаніямъ и преданіямъ о воровствѣ сорокъ и воронъ, то много бѣдныхъ людей потеряли свободу и жизнь вслѣдствіе ложнаго подозрѣнія и несправедливаго суда (*Брем*, III 379, 392).

Народъ обратилъ вниманіе и на эту особенность вороньяго характера. Поляки говорятъ „kradną jak kruki (*Gustaw*,

въ Zbiòr wiadom. V, 142). Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что воронъ, собравъ много золота и серебра, золотитъ себѣ голову и хвостъ (ib. 141). Въ виду всего вышеизложеннаго мы не можемъ признать достовѣрнымъ слѣдующее мнѣніе Аѳанасьева о миѳологическомъ значеніи вороньяго воровства въ сказкахъ: „Въ гнѣздѣ ворона незримо (?) хранятся золото, серебро и самоцвѣтные камни; онъ достаетъ и приноситъ живую и мертвую воду и золотыя яблоки, т. е., переводя метафизическія выраженія на общедоступный языкъ: воронъ, какъ громоносная птица, гнѣздится въ темныхъ тучахъ, закрывающихъ блестящія свѣтила, и проливаетъ изъ нихъ потоки всеоживляющаго дождя“ (*Аѳан.*, Поэт. воззр. I, 497).

Можетъ быть, чешское народное повѣріе, что вороны похищаютъ дѣтей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ миѳологическихъ частностей, связывающихъ ворону со смертью, въ основной и существенной своей части представляютъ простое расширеніе дѣйствительнаго вороньяго свойства воровать предметы, расширеніе, особенно понятное въ устахъ дѣтей, которыя обыкновенно слышатъ отъ своихъ родителей относительно своего происхожденія, что ихъ принесла птица. На такое именно пониманіе указываютъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующія чешскія дѣтскія пѣсни:

1) Vrana leti, nema dêti,
My je mame, ne prodame...
2) Vrana leti, nema dêti.
Kde je maji?—V černem lese.
Co jim vaří?—Z jahod kaši.

(*Потебня*, О миѳич. знач. нѣкот. обряд. 98).

Характернымъ зоологическимъ фактомъ представляется, что во́рановъ ненавидятъ и преслѣдуютъ всѣ ихъ родственники — воро́ны, сороки, грачи, галки. Въ то время, какъ черныя вороны живутъ дружно съ обыкновенными воронами, галки постоянно смѣшиваются съ грачами, при появленіи ворона онѣ бросаются на него, поднимаютъ большой шумъ

и заставляютъ его удалиться (*Брем*ъ, III 362). Но эта подробность, повидимому, не обратила на себя вниманія народа, и въ памятникахъ народной словесности и литературы нѣтъ прямыхъ на нее указаній. Та же черта, что воро̀ны, грачи и галки живутъ дружно, нашла мѣсто въ пословицѣ, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ.

Гораздо болѣе привлекла вниманіе народа *вражда ворона къ совѣ и къ соколу*. Когда филинъ или сова вылетаютъ днемъ, то вороны съ крикомъ и яростью нападаютъ на нихъ. Вражда ворона и совы составляетъ содержаніе многихъ разсказовъ въ Панчатантрѣ. Здѣсь вороны нападаютъ на совъ и уничтожаютъ ихъ гнѣзда. Есть разсказъ о томъ, что сова бросилась ночью на спящихъ воронъ и умертвила ихъ. Черезъ Панчатантру мотивъ о враждѣ ворона и совы получилъ большое литературное распространеніе: вошелъ въ многочисленные переводы и передѣлки Панчатантры, арабскую передѣлку, переводы греческій, нѣмецкій, испанскій, въ Trattati diversi Дони, Anvar-i-Suhaili, Libre des lumières, Cabinet des fées, въ XI басню Бальдо, въ XXXV гл. Conde Lucanor (*Benfey*, Pantsch., 334—338, 382, 383, 602).

Изъ древней повѣствовательной литературы мотивъ о враждѣ ворона съ совой проникъ въ апокрифическую и религіозно-повѣствовательную литературу, съ замѣной ворона соколомъ. Мотивъ этотъ въ христіанской литературѣ получилъ мистическое и символическое значеніе, согласно съ общимъ стремленіемъ древняго христіанскаго искусства и литературы къ символикѣ и мистицизму. Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ подъ соколомъ разумѣется уже Іисусъ Христосъ, а подъ злой совой—дьяволъ. Далѣе, въ той-же „Бесѣдѣ“ и затѣмъ въ построенныхъ на этомъ апокрифѣ стихахъ о Голубиной книгѣ подъ символическимъ образомъ сокола является Правда, а въ видѣ совы—Кривда (*Мочульскій*, о Голуб. кн. 201, 202).

Мотивъ о враждѣ ворона и сокола встрѣчается въ великорусскихъ пословицахъ (у *Сахарова* и *Даля*), малорусскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсняхъ и поговоркахъ, по всей

вѣроятности, какъ результатъ непосредственнаго знакомства народа съ природой. Въ малорусской поговоркѣ „пишого сокола и вороны бьютъ“ (*Номисъ*, § 4080). Въ сербской народной пѣснѣ:

Садила Мара виноградъ
И бјелу лозу винову;
Навади јој се вран-гавран
Озоба Мари виноградъ.
Марија брату поручи:
„Јоване, брату, рождени,
Пошли ми сивог сокола,
Да терам врана-гаврана...
(*Вукъ Караджк.*, Пјес. I, 213).

Воронъ составляетъ обыкновенное явленіе на всякой падали. Утверждаютъ, будто онъ чуетъ падаль на разстояніи нѣсколькихъ миль. На человѣческіе трупы воронъ садится такъ же охотно, какъ на трупы другихъ млекопитающихъ. По свидѣтельству зоологовъ, воронъ выклевываетъ глаза человѣческимъ трупамъ (*Брем*ъ, III, 365). Въ монгольскихъ сказкахъ воронъ поставляется въ ближайшую связь съ трупами людей и животныхъ, при чемъ подчеркнуто то обстоятельство, что онъ любитъ выклевывать въ трупахъ глаза. Въ одной сказкѣ старуха проситъ ворону остановиться и указать дорогу: „Есть когда мнѣ дорогу тебѣ показывать!“ отвѣчаетъ ворона. „Мнѣ надо искать скорѣе, гдѣ бы глаза выклевать“ (*Потанинъ*, Очерки IV, 595). Въ другой сказкѣ бѣдный человѣкъ, сидя подъ сосной, видитъ, какъ воронъ сѣлъ на дерево, держа глазъ въ клювѣ (ib. 200). Въ одной монгольской сказкѣ воронъ приноситъ Ногонъ-дарихе пріятную вѣсть, что отъ нея родится сынъ, и за эту вѣсть Ногонъ-дарихе дала ворону способность видѣть за шестьюдесятью рѣками кусокъ мяса величиной только съ большой палецъ, и летать, не боясь мороза, подъ небомъ выше облаковъ (ib. 297). Въ монгольской богатырской былинѣ про Ирипъ-Сайна съ неба спустились тридцать три ворона, ис-

клевали тѣло Харъ-Хурмукчина и вновь поднялись на небо“ (ib. 451). Въ другомъ мѣстѣ два ворона являются, какъ послы Эрлика-хана (монгольскій Плутонъ).

Бремъ замѣчаетъ мимоходомъ, что въ библіи воронъ часто поставляется въ связь съ падалью—замѣчаніе ошибочное. Пересмотрѣвъ всѣ мѣста книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, гдѣ говорится о воронѣ (кн. Быт. VIII, 3; 3 кн. Царст. XVII, 4, 6; Іова XXXVIII, 41; Псалт. XIV, 9; Еклез. XXX, 17; Пѣс. Пѣс. V, 11; Исаіи XXXIV, 11; Софоніи II, 14; Левитъ XI, 15; Ев. отъ Луки XII, 24) по указаніямъ *Concordantia Bibliorum* къ латинской Вульгатѣ, я не нашелъ въ отзывахъ священныхъ книгъ о воронѣ указаній на его любовь къ падали. Вообще воронъ упоминается въ библіи случайно, мимоходомъ. Въ Пѣсни Пѣсней воронъ берется для сравненія относительно черноты волосъ; у пророковъ Исаіи и Софоніи онъ служитъ признакомъ запустѣнія страны. Въ исторіи народныхъ сказаній о воронѣ оставилъ слѣдъ лишь воронъ кн. Бытія, по извѣстности и всеобщей распространенности библейскихъ и апокрифическихъ сказаній о Ноѣ и о потопѣ.

Народъ и безъ литературныхъ указаній замѣтилъ, что орлы, вороны и волки любятъ питаться трупами, и это вѣрное наблюденіе нашло самый широкій доступъ въ народную словесность. Въ германской миѳологіи орлы, вороны и волки считались спутниками Одина и Валькирій. По свидѣтельству скандинавской саги XI в., какъ скоро раздавался на землѣ военный кличъ, Одинъ посылалъ своихъ бранныхъ дѣвъ, и онѣ, сопровождаемыя орлами и воронами, спѣшили на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ (*Аѳан.*, Поэт. воззр. III, 365).

Въ великорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ вороны падки на падаль. Въ былинѣ „черные враны тѣло трынкаютъ“ (*Рыбн.* III, 200); въ похоронной заплачкѣ „обжорные да чорны вороны разносили ихни косточки по темнымъ то лѣсамъ дремучіимъ“ (*Барс.*, Причит. I, 268). Въ малорусскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ часто выражается въ такой смягченной формѣ: воронъ говоритъ дѣвушкѣ: „твій

милый при могыли зъ Богомъ спочивас; ёму мій братъ чорнесенькій головку спкае“ (*Чубинск.* V, 243). Въ сербскихъ пѣсняхъ вороны приносятъ вѣсть о кровавой битвѣ:

Полетјеше два врана гаврана,
Савр' Цера изнад Чокашине;
Крвавије клюва до очију
И крвави ногу до колјена...

Своимъ карканьемъ они вызываютъ женщину и разсказываютъ ей о печальной судьбѣ ея мужа или сына. Въ малорусскихъ пѣсняхъ такую обязанность чаще исполняетъ орелъ,—мотивъ весьма распространенный, проникшій въ искусственную малорусскую литературу (стихотвореніе Я. Н. Щеголева „Орелъ“). Любопытно, что сходный мотивъ повторяется въ шведской народной поэзіи, въ одной пѣснѣ: „воронъ пролетѣлъ надъ крышей дома, онъ держалъ въ когтяхъ кусокъ человѣческаго мяса, три капли крови упали внизъ“ и пр. (*De Gubernat.*, Die Thiere, 535).

Наклонностью воронъ къ падали, тѣмъ обстоятельствомъ, что воро́нъ видятъ на всякомъ трупѣ, можетъ быть, обусловлено повѣрье, что во́ронъ предвѣщаетъ смерть и стоитъ въ ближайшей связи съ душами умершихъ. Повѣрье это встрѣчается у разныхъ народовъ, было въ древности, бытуетъ и нынѣ; оно проникло въ народныя сказанія и игры, принявъ во многихъ случаяхъ миѳическое значеніе.

У индусовъ воронъ считался воплощеніемъ душъ и входилъ въ культъ мертвыхъ. Пища ворона была пищей умершихъ. Въ Рамаянѣ Рама приказываетъ Ситѣ остатокъ пищи выбрасывать воронамъ. Подобное обыкновеніе бытуетъ въ Индіи и въ настоящее время: часть обѣда оставляютъ для воронъ. Основной смыслъ обряда—поминки мертвыхъ, жертвоприношеніе душамъ ихъ. Въ послѣдней книгѣ Рамаяны, гдѣ говорится о бѣгствѣ боговъ отъ демоновъ, Индра скрывается въ видѣ павлина, а Яма, богъ мертвыхъ—въ видѣ ворона. Подобное обращеніе—только въ бѣлаго ворона—въ греческой миѳологіи испытываетъ Аполлонъ во время

битвы съ великанами (*De Gubernat.*, 533). Въ одной кельтской пѣснѣ, какъ полагаютъ XIII в., съ отгадываніемъ загадокъ въ числѣ 32 (отгадываетъ царевна), между прочимъ находится загадка: „что чернѣе ворона?“ и отвѣтъ на нее—„смерть“ (*Wisla* 1889, II 257).

Обычное въ древности представленіе души въ видѣ птицы (подроб. въ „Погреб. обр.“ *Котляревскаго*), выразившееся въ древне-христіанскомъ искусствѣ и литературѣ (*Martigny*, Diction. des ant. chrét. 542—545), сохранилось въ народѣ до настоящаго времени, причемъ въ видѣ вороновъ представляются души злыхъ людей. Въ Германіи говорятъ, что колдуны обращаются въ вороновъ, а вѣдьмы въ воронъ (*Аванас.*, Поэт. воззр. III, 535, изъ Я. Гримма).

Въ русскихъ похоронныхъ причитаніяхъ смерть черпымъ вороном слетаетъ въ окошко (*Барсовъ*, I, 3). Оттого, по народнымъ повѣрьямъ, крикъ ворона надъ домомъ предвѣщаетъ смерть человѣка, быка или коровы (*Gustaw.*, въ Zbiór wiadom. V, 141, *Лепкій* въ „Зорѣ“ 1885, № 11).

Связь воро́ны со смертью подтверждается нѣмецкимъ обычаемъ ходить въ началѣ лѣта по домамъ съ мертвою вороною—образомъ, какъ полагаетъ Гриммъ, побѣжденной или умершей зимы (*Потебня*, О мие. знач. нѣкот. обр. 102).

Въ связи съ представленіемъ смерти въ видѣ ворона стоитъ игра въ ворона, отличающаяся среди другихъ дѣтскихъ игръ сложностью и разнообразіемъ. Она встрѣчается въ Россіи, Чехіи, въ Сербіи. Въ Малороссіи игра въ ворона принадлежитъ къ любимымъ играмъ сельской молодежи; въ ней участвуютъ парни и дѣвушки или однѣ дѣвушки. Мнѣ извѣстны слѣдующія описанія игры въ ворона: 1) *Сементовскаго* въ „Маякѣ“ 1843, XI. Матер. 13—15; 2) *Марковича* въ сочин. „Обыч. и пов. малор.“ 71, весьма сходное съ предыдущимъ, перепечатано у Чубин. III, 73—74; 3) *Сахарова* „Сказанія рус. народа“, во 2 томѣ, подъ названіемъ „Коршунъ“; 4) *Терещенко* въ соч. „Бытъ рус. нар.“ IV, 96; 5) *Чубинскаго* въ Труд. Э.—Ст. Эксп. III, 75—77; 6) *Исаевича* въ Кіев. Стар. 1887, VI—VII, 483-485; 7) *Потебни* въ соч. „О миѳич. знач. нѣк.

обр. и пов.“ 99; 8) *Иванова* въ сборн. „Игры крест. дѣтей въ Купянск. у.“ *) § 67 (нѣсколько варіантовъ); 9) *Jks'a* въ журн. Wisla 1889 г. I, 61 и, повидимому, сюда относится еще 10) *Милићевича* въ „Живот срба селяка“, III, 39 (игра въ Полетуши).

Всѣ описанія игры въ ворона весьма сходны. Общее содержаніе игры состоитъ въ слѣдующемъ. Въ игрѣ участвуютъ воронъ, матка, дивчина (красная дѣвка) и дѣти. Матка, дивчина и дѣти становятся въ рядъ, другъ за другомъ, и идутъ къ ворону, который, сидя, роетъ палочкой землю. Между маткой и ворономъ разговоръ на тему: что онъ роетъ? (ямку, печку), для чего? (окропъ варить), съ какой цѣлью? (заливать имъ очи „дѣтей“), за что? (за то, что они поѣли пищу ворона). Дѣти говорятъ, что они невинны. Мать оборачивается, чтобы сосчитать ихъ, а воронъ въ это время ловитъ дѣтей и т. д.; въ переговорахъ онъ перелавливаетъ всѣхъ дѣтей, потомъ ловитъ и дивчину, которыя затѣмъ нападаютъ на ворона, валятъ его на землю, турчатъ ему въ уши, иногда нападаютъ на матку и также турчатъ ей въ уши.

Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Харьковской губерніи игра въ ворона называется игрой въ коршуна, въ Чехіи—въ ястреба. Но подъ этимъ или сходнымъ названіемъ („шулякъ“) въ Малороссіи извѣстна особая игра—прогоняютъ коршуна отъ куръ (такая игра находится у г-жи *Могилянской* въ Zbiór wiadom. do antrop. krajow. V.).

А. А. Потебня въ сочиненіи „О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ (стр. 99) обратилъ вниманіе на игру въ ворона и предложилъ объясненіе, какъ я думаю, вполнѣ вѣрное. Общимъ мотивомъ во всѣхъ варіантахъ игры въ ворона является намѣреніе ворона залить дѣтямъ очи. Это заливаніе очей, по мнѣнію г. Потебни, указываетъ что воронъ иносказательно выражаетъ смерть: ослѣпленныя дѣти дѣлаются достояніемъ смерти. Г. Потебня указываетъ на слѣ-

*) Предназначено къ напечатанію во 2 т. Трудовъ Историко-Филологич. Общ. при Харьк. университетѣ. *Ред.*

дующій мотивъ (замѣчу—очень рѣдкій): кого матка успѣетъ разсмѣшить изъ дѣтей, пойманныхъ воропомъ, тотъ принадлежитъ ей, а которое не смѣется, то ворону. Отсутствіе смѣха, по замѣчанію г. Потебни, есть признакъ пребыванія въ царствѣ смерти, на основаніи сходства смѣха со свѣтомъ и жизнью. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведено указаніе, что, по германскимъ повѣрьямъ, души, пребывающія у Гольды, не могутъ смѣяться. Добавимъ къ этимъ соображеніямъ г. Потебни, что самое копаніе ямки, можетъ быть, служитъ символическимъ выраженіемъ похоронъ. Копаніе ямки составляетъ основу игры и встрѣчается во всѣхъ ея варіантахъ.

Основное значеніе игры въ ворона открывается еще изъ слѣдующей италіанской игры этого рода: въ сѣверной Италіи дѣти поютъ слѣдующую пѣсенку, подражая въ концѣ крикомъ ворону: „Curnaiass! porta'l sciass; me mari l'e morta (sut la porta)—Que!“ т. е. „Воронъ! принеси сито; моя мать умерла—ке!“ Сито играетъ здѣсь, вѣроятно, ту же роль, что вѣсы въ италіанскихъ (и русскихъ) народныхъ повѣріяхъ: безгрѣшная душа проходитъ сквозь сито (*De-Gubern.* 534).

Олицетвореніе смерти въ видѣ птицъ вообще, въ особенности ворона, нашло себѣ мѣсто и въ письменности, какъ древней классической, такъ и новой христіанской, въ сочиненіяхъ Горація (mors atris circumvolat alis), Ефрема Сирина. Въ Палеяхъ и Азбуковникахъ птица Харадръ понимаетъ, кто изъ больныхъ останется живъ и кто умретъ. „Аще будетъ ему (т. е. больному) умрѣти, отвратитъ отъ него очи своя Харадръ; аще быти ему живу, ино веселяся возлетитъ на аеръ (воздухъ) противу солнца“. Это сказаніе встрѣчается въ физіологахъ и бестіаріяхъ (*Жданов*, Къ литерат. ист. былев. поэзіи, 217).

Повидимому, на дѣйствительномъ фактѣ основываются народныя повѣрья, что воро́ны крикомъ своимъ предвѣщаютъ вѣтеръ или бурю. Въ однихъ мѣстахъ думаютъ, что будетъ буря, если вороны летаютъ быстро и высоко (*Gustaw.*, Zbiór wiadom. V, 179); въ другихъ — если вороны летаютъ

низко (ib. 180); въ третьихъ—если летаютъ надъ водой (*Чуб.* I, 64); на дождливую погоду вороны садятся на деревья между вѣтками; на холодную и на морозъ садятся на верхушкѣ деревьевъ (*Gust.* 180). Вообще, по народнымъ повѣрьямъ, если птицы кружатся въ воздухѣ съ крикомъ, то зимой это знакъ мятели, а лѣтомъ — дождя (*Аѳан.*, Поэт. воззр. I, 510). Крестьяне Пудожскаго уѣзда Олонецк. губ. (водлозёры), когда при ловлѣ рыбы нуждаются въ достаточной силѣ вѣтра, чтобы парусъ лодки былъ надутъ, то обращаются къ воронамъ съ такимъ заклинаніемъ:

Сивушки-бурушки,
Вѣщіе вороняюшки,
Пособите, дружки, помогите.
Какъ моего дѣдушку слухали,
Какъ моего батюшку слухали,
Послужите и мнѣ вѣрою—правдою,
Силою крѣпкою (*Н. Харузинъ*, въ „Собрн. свѣд. для изуч. быта крест. нас. Рос.“ I, 360, 8⁰=131, 4⁰)*).

Въ сказкахъ обнаруживается даже отождествленіе ворона съ вѣтромъ, напр., въ русской сказкѣ: „Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ“ (*Аѳанас.*, Нар. рус. ск. I § 49).

Повѣрья, что птицы крикомъ предвѣщаютъ или даже поднимаютъ бурю встрѣчается въ разныхъ странахъ. Въ сказаніи эскимосовъ Баффиновой земли о Сиднѣ птицы однажды возбудили на морѣ страшную бурю (*Русск. Мысль*, 1886, I, 104). Такого же рода повѣрьемъ вызваны запѣвы малорусскихъ думъ о бурѣ на Черномъ морѣ, напримѣръ:

Ей на Чорному морю,
На камени биленькимъ,
Тамъ сидитъ сокилъ ясненькій,
Жалибненько квиле—проквилае (плачетъ)
И на Чорнее море спильно (пристально) поглядае:
Що на Чорному морю щось недобре начинае,
Злосопротывна хвылечка (буря)
Хвыля вставае (*Ант. и Драг.*, Ист. пѣс. I, 176).

*) См. также въ книгѣ *В. Х.*: „На сѣверѣ“. М. 1890.

Суевѣрныя сказанія о воронѣ распространялись не только устно, но и письменно. Они входили въ сборники суевѣрныхъ примѣтъ, такъ называемые Волховники, „еже есть се: храмъ трещитъ, ухозвонъ, воронограй, курокликъ, окомигъ“, и пр. Нѣкоторыя статьи Волховника переписывались отдѣльно и вошли въ индексы запрещенныхъ книгъ подъ своими частными названіями; таковы: Воронограй (примѣты и гаданія по крику вороновъ), Куроглашенникъ (по крику пѣтуховъ), Птичникъ или Птичьи чарове (по крику и полету птицъ вообще) и Трепетникъ (о дрожаніи различныхъ частей человѣческаго тѣла). (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. III 607).

Кромѣ „Волховниковъ“ сказанія о воронѣ письменнымъ путемъ могли проникать черезъ физіологи. Въ древнѣйшихъ физіологахъ воронъ являлся символомъ вѣрности. Въ армянскомъ переводѣ, сдѣланномъ, какъ полагаютъ, въ IV или V в. по гречечкой рукописи, говорится, между прочимъ, что „есть родъ ворона, который похожъ на голубя; по смерти своей подруги, онъ не прикасается къ другой“. Позднѣйшіе греческіе тексты приписали это свойство горлицѣ, которая въ средневѣковыхъ передѣлкахъ физіолога совершенно вытѣснила ворона (*Мочульск.*, Происх. физіол. 59).

Болѣе важнымъ представляется еще то обстоятельство, что воронъ по своему непріятному крику, чернотѣ и хищности издревле уподобленъ былъ черту и вошелъ въ житія святыхъ, занялъ мѣсто въ житейныхъ сборникахъ Викентія Бове, Якова де Ворагине, Цезарія Гейстербахскаго, проникъ въ Патерики. Затѣмъ, воронъ вошелъ въ „Бесѣду трехъ святителей“, чрезвычайно распространенный въ старину памятникъ, оказавшій глубокое вліяніе на народную словесность.

Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“, изданной Вяземскимъ въ „Памят. древн. письм.“ 1880, в. I, находится слѣдующее мѣсто: Вопросъ: Стоитъ древо безъ вѣтвія и безъ коренія, на немъ сидитъ вранъ; пріиде къ нему безъ ногъ, взя его безъ рукъ, зарѣза безъ ножа, съядé безъ рта и не бѣ ему въ сытость. Отвѣтъ: древо—земля, вранъ—роса, взыде соля-

це и посупи землю и не бѣ ему въ сытость". Въ спискѣ „Бесѣды" В. И. Григоровича то-же самое значеніе нѣсколько измѣнено, именно, „вранъ безъ очей и безъ крыльевъ". Г. Мочульскій въ сочиненіи о Голубиной книгѣ (стр. 224) ошибочно объясняетъ ворона „Бесѣды": „сидящій на древѣ воронъ получаетъ свѣтлое значеніе и есть самое солнце". Нужно сказать наоборотъ, что воронъ здѣсь имѣетъ темное значеніе и есть противенъ, врагъ солнца. Смыслъ загадки въ „Бесѣдѣ" получилъ не совсѣмъ правильное разъясненіе; дерево—дѣйствительно земля; но вранъ не роса—а ночь, и потому солнце зарѣзало его.

Замѣчательно, что воронъ безъ крылъ вошелъ въ русскіе народные заговоры. Такъ, въ заговорѣ на остановленіе крови: „летитъ воронъ безъ крылъ, безъ ногъ, садится на рабу (имя рекъ), на главу и на плечо. Воронъ сидитъ посиживаетъ, рану потачиваетъ; ты, воронъ, не клюй" и пр. Аѳанасьевъ замѣчаетъ, что „воронъ употреблено здѣсь, какъ метафора молніи, летящей безъ крылъ, безъ ногъ и точащей дождевую влагу изъ тучи" (*Аѳан.*, Поэт. воззр., I, 488); но, принимая во вниманіе сходство этого ворона съ ворономъ „Бесѣды" и въ этомъ частномъ случаѣ, можно усомниться въ основательности миѳологическаго толкованія. Не исключая возможности приложенія его къ многимъ другимъ повѣрьямъ и сказаніямъ о воронѣ, я въ данномъ случаѣ готовъ признать вліяніе „Бесѣды", памятника, какъ я сказалъ, чрезвычайно распространеннаго въ старину и оставившаго въ народной словесности глубокіе слѣды.

На апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ основывается малорусская сказка „про Кука", въ которой главную роль играетъ воронъ. Содержаніе сказки въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Нѣкогда жилъ царь птицъ (старшій птахъ) Кукъ. По желанію жены своей, онъ созвалъ всѣхъ птицъ, чтобы изъ костей ихъ сдѣлать себѣ гнѣзда. Воронъ опоздалъ на два дня. Онъ пересчитывалъ въ это время горы и долины. Считая долиной всякое мѣсто, гдѣ стоитъ вода, воронъ насчиталъ болѣе долинъ. Птицы вре-

менно были отпущены Кукомъ на прокормъ. Воронъ опаздываетъ второй разъ, потому что считалъ сухія и зеленыя деревья, причемъ первыхъ насчиталъ болѣе, такъ какъ считалъ дерево сухимъ, если находилъ на немъ хотя одну сухую вѣточку. Снова птицы получаютъ отъ Кука временный отпускъ, и воронъ снова опаздываетъ, причемъ оказывается, что онъ считавъ мужчинъ и женщинъ, и насчиталъ болѣе женщинъ, такъ какъ каждаго мужчину, который подчиняется женѣ, считалъ за женщину. Птицы взбунтовались противъ Кука, за то, что онъ слишкомъ подчинился своей женѣ, и соколъ убилъ его (*Чубинск.* II, § 34). Весьма сходная сказка записана у киргизъ. Жена хана Сулеймана захотѣла имѣть дворецъ изъ птичьихъ костей. Всѣ птицы были собраны ханомъ; не явился байгусъ (сычъ). Ханъ велѣлъ ястребу привести его силой на ремнѣ, продернувъ его въ носъ. Байгусъ оправдывается тѣмъ, что считалъ, кого больше: мужчинъ или женщинъ, и нашелъ, что женщинъ больше, такъ какъ считалъ за женщинъ и тѣхъ мужчинъ, которые повинуются женщинамъ. Сулейманъ понялъ отвѣтъ байгуса и отпустилъ птицъ (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 367). Въ другомъ киргизскомъ сказаніи о сычѣ апокрифическая основа выступаетъ еще яснѣе. Сказаніе это пріурочено къ вечерней звѣздѣ, зурѣ. Зура была вѣдьма, которая хитростью женила на себѣ царя Соломона; первымъ ея дѣломъ послѣ бракосочетанія было потребовать кибитку, рѣшетки которой должны состоять изъ птичьихъ костей, а войлока изъ птичьяго пуха. Мудрая птица байгусъ научила Соломона, какъ избавиться отъ змѣи жены (ib. 784).

Повидимому, литературнымъ путемъ распространился слѣдующій разсказъ о Геркулесѣ:

Въ числѣ 12 работъ Геракла у Эврисфея была такая: при помощи мѣдной хлопушки онъ поднялъ птицъ на озерѣ Стимфалѣ въ Аркадіи, которыя имѣли мѣдныя когти, крылья, клювы и перья и стрѣляли ими, какъ стрѣлами. Геракл прогналъ ихъ (*Любкеръ*, Реальн. слов. 469). Это сказаніе въ измѣненномъ видѣ съ мѣстными италіанскими пріуроченіями

нашло впослѣдствіи мѣсто въ христіанской литературѣ: въ хроникѣ св. Антонія говорится о вонючемъ и черномъ болотѣ въ Апуліи, изъ котораго по вечерамъ вылетаютъ души умершихъ въ видѣ чудовищныхъ птицъ, которыя летаютъ ночью, а раннимъ утромъ чудовищный воронъ загоняетъ ихъ въ болото (*De Gulern.*, 534). Можетъ быть, далекимъ отзвукомъ древняго греческаго сказанія о стимфальскихъ птицахъ являются чудовищныя птицы русскихъ заговоровъ, съ желѣзнымъ носомъ и мѣдными когтями (*Аоан.*, Поэт. воззр. 501).

Перасположеніе галицкихъ русскихъ къ ворону, основывается, между прочимъ, на слѣдующемъ апокрифическомъ мотивѣ: ворóна хотѣла пить кровь, которая капала изъ ранъ распятаго Спасителя, за что Богъ проклялъ ее, и часть ея клюва по краямъ на вѣки получила кровавый цвѣтъ (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 11).

Можно думать, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о воронѣ произошло смѣшеніе и перенесеніе мотивовъ, причемъ къ ворону отнесено то, что къ нему прежде не относилось и не идетъ къ его природѣ.

Въ великорусскихъ былинахъ „охотничекъ Суровецъ выѣхалъ на охоту и долгое время ѣздилъ, не находя добычи, пока не наѣхалъ на дубъ, на которомъ сидѣлъ воронъ. Онъ собирается стрѣлять въ него, а воронъ вѣщаетъ, пусть не стрѣляетъ; эта добыча не по немъ, а есть лучшая: тамъ въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ лугахъ переправляется черезъ рѣку съ своею ратью татарскій царь Курганъ... Акад. А. Н. Веселовскій въ минусинскомъ изводѣ былины объ охотничкѣ Суровцѣ обратилъ вниманіе на фантастическое описаніе ворона (и дерева) и при этомъ случаѣ вспоминаетъ о разукрашенномъ воронѣ въ нѣмецкой поэмѣ объ Освальдѣ, сходныя черты соловья въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ и фантастическаго сокола болгарской народной пѣсни, съ посеребренными ногами, съ позолоченными крыльями, съ мелкимъ бисеромъ на шеѣ, съ бѣлымъ цвѣткомъ на головѣ (*Весслов.*, въ Arch. f. slav. Philol. III, 570—573, и въ XXXII т. Сборн. Акад. Наукъ, 289).

Мотивъ: богатырь встрѣчаетъ ворона на дубу, намѣревается застрѣлить его, но воронъ указываетъ ему на другую подходящую цѣль,—встрѣчается въ былинахъ довольно часто, напр., въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ (*Рыбн.* I, 274), съ небольшимъ измѣненіемъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ (ib. 200). Въ малорусскихъ колядкахъ мотивъ этотъ прилагается обыкновенно къ оленю: молодецъ хочетъ застрѣлить оленя, но олень обѣщаетъ „стать въ пригодѣ", прійти на свадьбу (*Потебня*, Объяс. малорос. пѣс. II, 321—329). Сходный мотивъ также въ приложеніи къ оленю (сурплена злъторога) встрѣчается въ болгарскихъ величальныхъ пѣсняхъ (ib. 329—335). Такъ какъ мотивъ этотъ въ южнорусскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ входитъ въ описаніе охоты, можно думать, что пріуроченіе его къ ворону въ былинахъ произошло случайно, по переносу изъ другихъ древнихъ варіантовъ пѣсенъ.

Заслуживаютъ вниманія пѣсенные мотивы о воронѣ-вѣстникѣ и тѣсно съ нимъ связанные мотивы о воронѣ-сватѣ.

Воронъ-сватъ и воронъ-женихъ встрѣчаются въ монгольскихъ сказкахъ. Въ одной сказкѣ воронъ, сидя на золотомъ тополѣ, говоритъ воронѣ, какъ счастливъ будетъ N, когда увезетъ красавицу Шюриндинъ. Какъ же ее увезти? спрашиваетъ ворона. Воронъ объясняетъ, что̀ богатырь долженъ при этомъ сдѣлать. Богатырь подслушалъ этотъ разговоръ и воспользовался имъ (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 542).

Въ одной сказкѣ, записанной въ Ѳеодосіи отъ крымскаго татарина, черный воронъ женится на царской дочери, съ согласія ея младшаго брата. Когда послѣднему понадобилось отыскать дочь солнца, черный воронъ созвалъ всѣхъ своихъ подвластныхъ птицъ, и одна изъ нихъ помогла царевичу отыскать дочь солнца. Черный воронъ является въ сказкѣ такимъ большямъ, что, когда онъ летаетъ, бываетъ затменіе и чуть не землетрясеніе (ib. 725).

Въ датской пѣснѣ воронъ переноситъ невѣсту изъ заточенія черезъ море къ женіху. Въ нѣмецкой поэмѣ „Житіе св. Ос-

вальда“ (одного изъ англо-саксонскихъ королей VII в.), извѣстной въ спискахъ XV в., но относимой Уландомъ къ XII, главную роль играютъ приключенія ворона-свата, очень усложненныя личнымъ вымысломъ. Въ этой поэмѣ Освальдъ посылаетъ ворона съ письмомъ и кольцомъ за море къ дочери невѣрнаго царя, которая черезъ того же посла пересылаетъ Освальду кольцо и письмо съ приглашеніемъ пріѣхать за нею тогда-то. Въ это приключеніе вставлено между прочимъ то, что воронъ, уставши среди моря, садится на камень, печально кричитъ, ловитъ рыбу и пр. (*Потебня*, Объяс. малор. и сред. пѣс. II, 281 — 282). Въ малорусской свадебной пѣснѣ поется:

Полетите, галочки,
До моеи матеньки,
Занесите висточку,
Що везу я невистоньку... (*Чубин.* IV, 425).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ вмѣсто ворона вѣстникомъ иногда является кукушка, чаще соколъ (*Янчукъ*, Корниц. свад. 84). По мнѣнію г. Янчука, кукушка, соколъ, воронъ, какъ вѣстники, являются иногда вмѣсто вѣтра (ib. 84), что обусловлено силой и быстротой полета ворона и сокола. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воронъ, можетъ быть, является замѣной сокола; но считать его вполнѣ литературной, такъ сказать, замѣной сокола невозможно, въ силу во первыхъ, особенной близости ворона къ вѣтру и бурѣ, съ которой связаны понятія быстроты и стремительности, во вторыхъ, широкаго распространенія повѣрій о воронѣ, какъ вѣстникѣ и сватѣ и, въ третьихъ, въ силу древности этихъ повѣрій. Уже въ Эддѣ вѣстниками Одина являются два ворона Съ утра до полудня они облетали весь міръ и въ полдень возвращались къ Одину, садились на его плечи и повѣдали ему на ухо вѣсти. Вороны эти назывались Huginn (hugr—animus, cogitatio) и Muninn (munr—mens).

Характерной особенностью древняго міросозерцанія было распредѣленіе всѣхъ предметовъ видимаго міра на дуалистическомъ началѣ пріуроченія къ богу добра или богу зла.

Не избѣгъ такого пріуроченія и воронъ. Въ однихъ странахъ онъ получилъ священное значеніе, въ другихъ—демонское. У народовъ христіанскаго вѣроисповѣданія возобладало послѣднее значеніе ворона.

Уваженіе къ ворону, какъ птицѣ вѣщей и священной, встрѣчается во многихъ странахъ. На Сандвичевыхъ островахъ воронъ считается священной птицей (*Леббокъ*, Нач. цивил. 199). Арабы почитаютъ ворона, какъ божественную птицу, и считаютъ его безсмертнымъ. „Когда я однажды, говоритъ д-ръ Лабуисе, хотѣлъ убить ворона, то находившійся вблизи арабъ удерживалъ меня, увѣряя, что это святая птица и что убить ее нельзя“ (*Брем*ъ III, 365).

Повѣріе въ безсмертіе ворона распространено также среди монголовъ. Воронъ пьетъ воду Мынхенъ-хара-угунъ (вѣчную черную воду). Къ источнику этой воды, онъ прилетаетъ рано утромъ (*Потанинъ*, Очерки, IV, 211).

Совсѣмъ иначе смотрятъ на ворона въ Россіи, Австріи, Германіи. Въ Галиціи и въ Малороссіи крестьяне думаютъ, что чортъ летаетъ по дворамъ въ видѣ ворона поджигаетъ крыши, наноситъ людямъ вредъ (*Лепкій*, въ „Зорѣ“ 1885, № 11). Въ Великороссіи говорятъ, что во время кончины колдуна или вѣдьмы демоны слетаются въ видѣ воронъ, садятся на крышу дома, проникаютъ въ трубу и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ душу на тотъ свѣтъ (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. III, 482). Совершенно согласно съ представленіями украинскаго народа Гулакъ-Артемовскій описываетъ въ своей балладѣ „Твердовський“ (по Мицкевичу) появленіе бѣсовской силы:

Хмара якъ ничъ налетила,
И сонце сховалось;
Галокъ, крюкивъ, воронъ сыла
На стриси зибралось!
Крюкають, кавчать, мекечуть
Всимы голосамы;
То завыють, то шепечуть,
Бражчять ланцюгамы (цѣпями)!

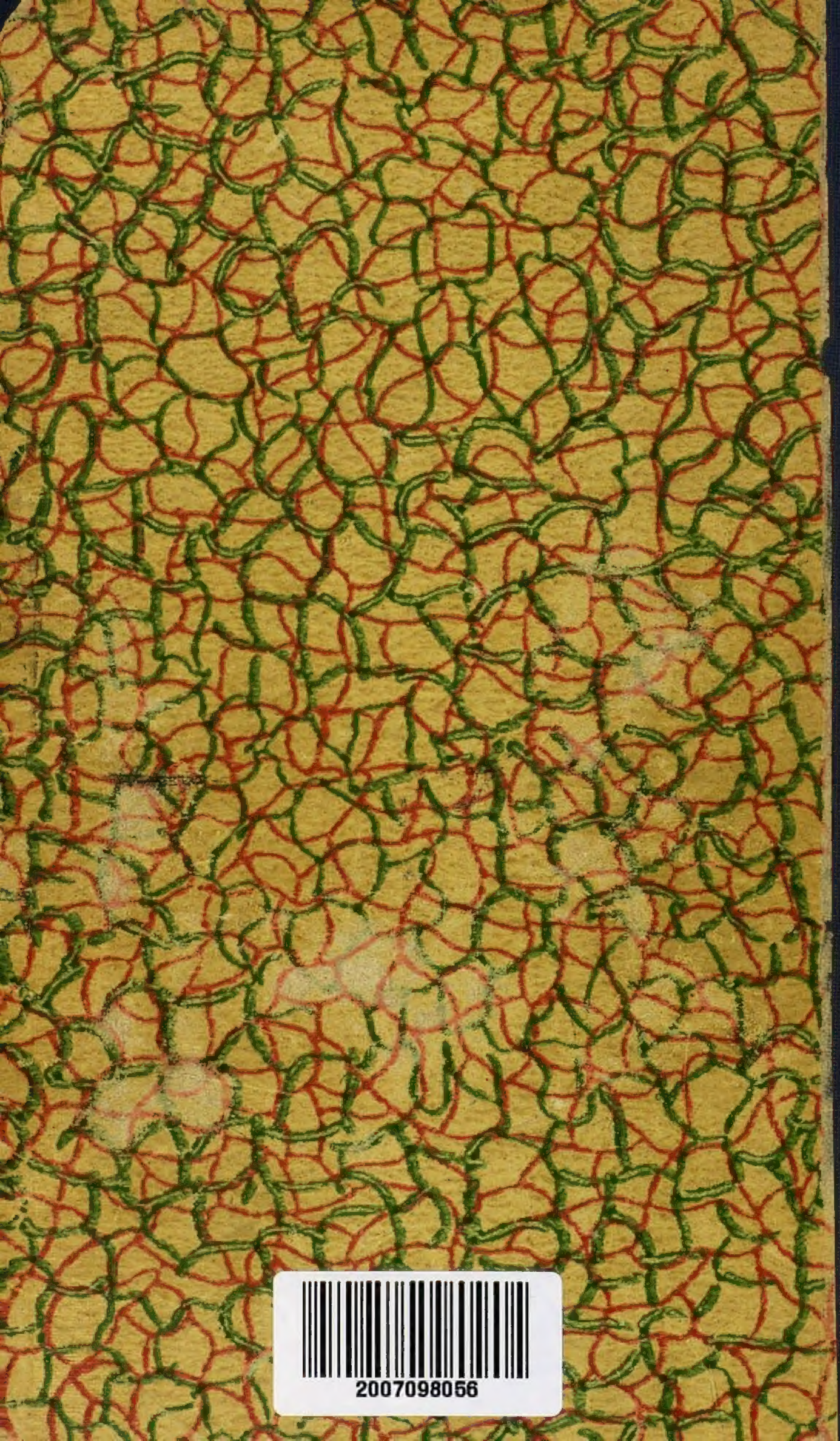
Это черти явились требовать у чародѣя Твардовскаго его душу, которую онъ при жизни запродалъ дьяволу. Въ Угорской Руси существуетъ повѣрье, что демоны въ видѣ вороновъ вмѣшиваются въ людскія дѣла (*Де-Волланъ*, Угрорус. пѣс. 11).

Въ Германіи изстари существуетъ представленіе демона въ видѣ ворона. Нѣмецкій лѣтописецъ Ламбертъ (ум. около 1100 г.) сообщаетъ, что одинъ богомолецъ видѣлъ во снѣ страшнаго ворона, который, каркалъ, леталъ вокругъ Кельна; его гналъ блестящій рыцарь. По объясненію пилигрима, воронъ—дьяволъ, а рырарь—св. Георгій (*De-Gubernat.*, 534). По современнымъ нѣмецкимъ народнымъ повѣрьямъ, если воронъ кричитъ надъ домомъ, гдѣ лежитъ покойникъ, то значитъ—душа его пойдетъ въ адъ (ib. 534).

Въ монгольскихъ сказкахъ воронъ сближенъ съ демономъ. Въ сказкѣ Тунгъ Каратты Ханъ*) богатырь мальчикъ встрѣтилъ ворона съ саженнымъ носомъ и терехсаженными крыльями, подстрѣлилъ его и обломалъ ему носъ и крылья до настоящей величины. „Будь же ты такой на-вѣки!“ сказалъ онъ и отпустилъ ворона (*Потан.*, Очерки, IV, 376). Этотъ длинный носъ первобытнаго ворона соотвѣтствуетъ длинному носу чертей шалмусовъ и мангысовъ (срав. ib. 399).

---

*) Тунгъ Каратты Ханъ—монгольскій Егорій Храбрый, укротитель звѣрей.


2007098056